

Предвидение

Письма дочери Марины Цветаевой

Как арестовывали

(Из письма В. Н. Орлову)

28 августа 1974 г.

Сегодня — первый день на тридцать шестой год с того 27 августа, когда я в последний раз видела своих близких; на заре того дня мы расстались навсегда; утро было такое ясное и солнечное — два приятных молодых человека в одинаковых «кустюмах» и с одинаково голубыми жандармскими глазами увозили меня в сугубо гражданского вида «эмке» из Болшева в Москву; все мои стояли на пороге дачи и махали мне; у всех были бледные от бессонной ночи лица. Я была уверена, что вернусь дня через три, не позже, что все моментально выяснится, а вместе с тем не могла не плакать, видя в заднее окно машины, как маленькая группа людей, теснившаяся на крылечке дачи, неотвратимо отплывает назад — поворот машины и — все. Слезы мои пересохли за 35 лет, всплакивать случалось только от злости; та беда терзает меня всухую и — кому повем?

Одиночество Марины Цветаевой

(Неопубликованный отрывок из рукописи «Страницы былого»)

Марина казалась той же, что и в Москве, — та же челка, те же серебряные браслеты, те же глаза, глядящие мимо собеседника в свою и его даль, и те же неукоснительные привычки — к утренней работе, ночной бессоннице, долгим прогулкам, черному кофе, и те же взаимоисключающие свойства — сдержанность и неукротимость, непримиримость и кротость, долготерпение и вспыльчивость, общительность и жажда уединения, та же увлеченность (увлекаемость) людьми при внутренней неспособности, невозможности длить с ними отношения.

Но совершился в ней — человеке, в ней — поэте необратимый, еще простым глазом не видимый и неискушенным ухом не слышимый, поворот, перелом отлученности от окружающей жизни, участником которой она перестала себя ощущать. Отключилась способность находиться на поверхности жизни, на плаву, вместе с ней, хотя бы наперекор, определилась незаряжаемость ею и неслиянность с нею, чужой, чужим принадлежащей, вовне находящейся. О недоверии к окружающему, о недостоверности его, несмотря на «успех».

Человек не среды, а страны, Марина, расставшись со страной, замены ей в «среде» какой бы то ни было — не искала да и не могла искать. Эмиграция же сразу превратилась именно в «среду», расщепившуюся, распавшуюся к тому же на ненадежные микромирки группировок, приходов, землячеств, в которых Марине не хватало бы ни воздуха, ни пространства, если бы она и попыталась бы сжиться с ними и вжиться в них, ни просто смысла. На ладони ее судьбы начала обозначаться жесткая, глубокая линия одиночества.

(1973)

Встреча в концлагере

(Письмо к секретарю Льва Толстого Ф. С. Булгакову)

21 октября 1960 г.

Когда-то меня «гнали этапом» с Крайнего Севера в Мордовию — шла война, было голодно и страшно, дальние этапы грозили смертью. По дороге завезли меня в какой-то лагерь на несколько дней — меняли конвой. Отправили полы мыть в столовой; стояла зима, на черном полу вода замерзла, сил не было. А дело было ночью — мою, мою, тру, тру, вошел какой-то человек, тоже заключенный, — спросил меня, откуда я, куда, есть ли у меня деньги, продукты на такой долгий и страшный путь? Ушел, потом вернулся, принес подушечку-думку, мешочек сахару и 300 р. денег — большая сумма для заключенного!

Дает это все мне — чужой человек чужому человеку... Я спрашиваю — как его имя? Мол, приехав на место, напишу мужу, он вернет вам долг. А человек этот — высокий, худощавый, с живыми веселыми глазами — отвечает: «Мое имя вы все равно забудете за долгую дорогу. Но если и не забудете, и мужу напишете, и он мне «вернет долг», то денежный перевод меня не застанет, сегодня мы здесь, а завтра там — бесполезно все это».

Всего, всего вам всем хорошего!

Ваша АЭ.

«Густо-позолоченный бюстик Ленина»

(Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич)

5 июня 1968 г.

На горке — церковь, в которой, естественно, механическая мастерская, и школа, и старинный (видно, когда-то барский) дом, в котором клуб и сельсовет, и выцветший лозунг на нем «Да здравствует коммунизм, светлое будущее человечества!», и маленький густо-позолоченный бюстик Ленина перед ним; и сельский магазин с керосином, пряниками, лейками, рыбными консервами (кильки в томате)...

Уже несколько раз я видела и рассматривала эту церковь — но вот только вчера обнаружила поразительную вещь, — оказывается, на восточной стороне храма, под самым куполом сохранилось скульптурное изображение Бога-Савоафа, причем творчества какого-то местного, безвестного, безграмотного мастера! Но что это за изображение, если бы вы видели! Над окном строгой и скучной формы взмахнул руками, приветствуя восходящее солнце, веселый и простодушный, абсолютно-архаический, донельзя наивный и совершенно языческий Бог, одетый в священническую рясу. Бородка у него хоть и каменная, но жиденькая, волосы прямые и вразлет, и каждое утро он радуется солнцу, и солнце освещает его, трогательного сельского Бога, творца неба и земли, видимым же вся и невидимым! Вот уж было чудо так чудо, когда я вдруг увидела его и поняла и обрадовалась ему...

А. и А.

Предвидение Бунина

(Из письма В. Н. Орлову)

17 ноября 1961 г.

С Буниным — живым — я простилась в 1936 г. на Лазурном побережье, в нестерпимо жаркий июльский день, в белом от зноя дворике маленького, похожего на саклю, и так же прилепившегося к горе — домика, купленного на «нобелевские» деньги. «Ну куда ты, дура, едешь? Ну зачем? Ах, Россия? А ты знаешь Россию? Куда тебя несет? Дура, будешь работать на макаронной фабрике... («Почему именно на макаронной, Иван Алексеевич?!») — на ма-ка-ронной. Да. Потом тебя посадят... («меня? за что?») — а вот увидишь. Найдут за что. Косу остригут. Будешь ходить босиком и набьешь себе верблюжьи пятки!.. («Я?! верблюжьи?!»)... Да. Знаешь что надо? Знаешь? Знаешь? Выйти замуж за хорошего — только чтобы не молодой! не сопляк! — человека, и... поехать с ним в Венецию, а? В Венецию... Ну что же, Христос с тобой!» — и перекрестил, крепко вжимая этот крест в лоб мне, и в грудь, и в плечи. Поцеловал горько и сухо, блеснул глазами, улыбнулся: «Если бы мне — быть — столько — лет, сколько тебе — пешком бы пошел в Россию, не то что поехал бы — и пропади оно все пропадом!»

Да, да. И пошла я, и поехала — и все было, кроме «макаронной фабрики», если не считать мою работу в «Жургазобъединении» под руководством Кольцова именно выпуском в свет макаронных изделий? — и кроме Венеции. Были и «верблюжьи пятки», и голова, стриженная под машинку в тифу, — и даже муж был — такой, какой даруется единожды в жизни, да и то не во всякой! Его расстреляли в последние дни бериевского царствования, накануне падения всех этих колоссов на глиняных ногах...

Всего вам самого доброго!

Ваша АЭ.

Публикация Р. Вальбе